

eclair

ВАШЕ
ВЕЛИЧЕСТВО,
ПРОШУ,
НЕ УБИВАЙТЕ
МЕНЯ СНОВА

новелла

МИ∞

МИФ Комиксы

eclair

**Ваше величество, прошу, не
убивайте меня снова. Том 1**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2020

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(5Кор)-445-80

eclair

Ваше величество, прошу, не убивайте меня снова. Том 1 / eclair —
«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2020 — (МИФ Комиксы)

ISBN 978-5-00-250066-6

Ларриет де Белуа велят казнить, но та получает второй шанс и возвращается в прошлое. Теперь она должна войти в доверие к будущему императору и предотвратить трагедию. Но чем ближе они становятся, тем сложнее ей разобраться в собственных чувствах.

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(5Кор)-445-80

ISBN 978-5-00-250066-6

© eclair, 2020
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2020

Содержание

Пролог. Восемнадцатилетие и смерть	6
Глава 1. Мне снова двенадцать. Возвращение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

eclair

Ваше величество, прошу, не убивайте меня снова. Том 1

На русском языке публикуется впервые

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В оформлении макета использованы изображения по лицензии [Shutterstock.com](https://www.shutterstock.com)

Original Title: 폐하, 또 죽이진 말아주세요 1, Your Majesty, Please Spare Me This
Time 1

Copyright © 2020 by eclair
All Rights Reserved.

Russian Translation Copyright © 2026 Russian edition is published by arrangement with
GANABOOKS through Imprima Korea Agency.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Пролог. Восемнадцатилетие и смерть

Меня казнили ясным солнечным днем.

– Ларриет Изабель де Белуа, старшая дочь графа де Белуа, была расточительна и небрежна, вместо того чтобы явить образец аристократической добродетели. Она обвиняется в халатном отношении к управлению землями Белуа и незаконном присвоении налогов. Ей также вменяются в вину сокрытие измены своего отца, графа де Белуа, и преступный сговор с оным. И еще много других преступлений, о которых я не смею упоминать. По совокупности всего вышесказанного Ларриет де Белуа приговаривается к смертной казни.

Хлоп!

Удар судейского молотка.

Холодный голос судьи будто гипнотизировал меня. Среди обвинений, которые звучали из уст этого человека, не было ни одного справедливого, но самым нечестным оказалось то, которое он произнес первым. Это меня-то он обвиняет в расточительности?! Неужели этот подлец настолько туп, что забыл значение этого слова? Лучше бы вспомнил до нелепости пышные платья, в которых щеголяет его собственная дочь!

Да, в нашей стране вечно не хватало судей в верховном суде, а те, что имелись, вершили правосудие едва ли не вслепую. Но назвать меня расточительной?! Гнев душил с такой силой, что, казалось, еще немного – и я вцепилась бы судье в горло. Потому ли, что он видел, как тряслись мои скованные руки, которые я не могла распрямить как следует, или же потому, что я выглядела так, словно меня ударили в спину, – судья избегал моего взгляда, уставившись куда-то перед собой. На его висках блестели бисеринки пота. Неудивительно! Он не мог не понимать, кто я такая. Всякий в высшем свете знал, что де Белуа живут скромно.

«Экономия, экономия и еще раз экономия! – любил повторять наш отец. – Не смейте попусту растрачивать налоги, за которые люди Белуа заплатили потом и кровью!»

Я росла, постоянно выслушивая эти суровые наставления, так что они и по сию пору звучали у меня в ушах. Именно поэтому меня никогда не интересовали ни платья, украшенные драгоценными камнями, ни шелковые ткани, которые привозили к нам с Востока. О, как невыносимо унижительно было на балах слышать насмешливые шепотки за спиной: мол, до чего же неизысканно одета эта юная леди! И тем не менее я всегда ставила интересы наших людей превыше всего. И вот теперь меня – меня! – обвиняли в расточительности! Первое же обвинение из моего длинного, невероятно длинного смертельного приговора оказалось настолько нелепым, что остальное можно было и не зачитывать: во всем сказанном не содержалось ни крупинки правды. Сгорая от гнева, я уже не вслушивалась в слова судьи.

– Ларриет Изабель де Белуа, вам предоставляется последнее слово!

Быть может, увидев пылающий гнев в глубине моего взгляда, судья испугался, что мой мстящий дух придет к нему после казни, и решился на беспрецедентный шаг – предоставил мне возможность оправдаться. Как правило, предателей короны казнили, не давая им и слова сказать в свою защиту.

Последнее слово?.. Но у меня не было никаких слов. Да и о каких оправданиях вообще могла идти речь? Если допустить, что я в самом деле совершила хотя бы одно из тех злодеяний, что мне вменяли, то в этом последнем слове не было никакого смысла: меня в любом случае следовало казнить.

Да и что с того, если бы я в свою защиту произнесла самую блестящую из речей? Зачем мне было жить в мире, в котором моих отца, маму, младшего брата и всю родню забрала гильотина? С тех пор как отцу предъявили обвинение в измене и вместе с ним пал весь наш род, все, что я делала, – это лила слезы. Ничего не поменялось бы, даже если бы сейчас мне сохранили жизнь: изо дня в день я оставалась бы безутешна – жива снаружи, но мертва внутри. Когда я подумала об этом, последние сожаления о собственной скорой смерти развеялись как дым.

Вот почему, вместо того чтобы говорить в свою защиту, я обернулась в дальний конец зала, к императору, который с непроницаемым лицом наблюдал, как меня приговаривают к казни. Он не выглядел особенно радостным, несмотря на то что по его злой воле меня, ни в чем не повинную, должны были сейчас обезглавить. Однако поражало равнодушное выражение его лица – будто моя смерть была каким-то совершенно рядовым делом.

Когда наши взгляды встретились, губы императора чуть дрогнули. От меня не укрылась эта маленькая перемена, и я широко улыбнулась. Посмотрев ему в глаза – зеленые, глубокие, слишком красивые для такого чудовища, которым он был, – я выплюнула ему прямо в лицо, тщательно проговаривая каждую букву:

– Будь. Ты. Проклят!

Если бы я только знала, что это не последняя наша встреча.

Глава 1. Мне снова двенадцать. Возвращение

Я открыла глаза.

Первым, что я увидела, было окно, выбеленное стужей до такой степени, что пробирал озноб от одного только взгляда на него. Заиндевелое, оно словно скрывало от меня какую-то тайну. За стеклом танцевали снежные вихри. Полумрак комнаты пронизывал одинокий солнечный луч, проникший сквозь крошечную щель в стене вместе со струйкой ледяного воздуха. Тонкий, словно нить, он был очень ярким. Зимы в Бельфернийской империи всегда жестокие, но при этом не менее солнечные, чем лето.

Свет. Яркий луч света. Стоило мне чуть повернуть голову, как я увидела снег за стеклом. Тонкая струйка морозного воздуха, попавшая внутрь вместе с солнечным лучом. Снег. Зима. Зима!..

Я бездумно всматривалась в белый пейзаж за окном, но мне потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что именно я видела. Я даже не понимала, что открыла глаза, потому что это было лишено всякого смысла.

Я ведь умерла.

Я зажмурилась, призывая проклятия на голову императора. До последней своей минуты я смеялась ему в лицо, а он лишь хмурился, выслушивая мои дерзкие оскорбления. Но вот что странно: в день моей смерти стоял жаркий летний полдень. Сейчас же за окном со всей определенностью раскинулся зимний пейзаж.

Мне вдруг показалось, что я уже видела когда-то это окно, и я удивленно подняла брови. Да и эта комнатка в оливково-зеленых тонах мне явно знакома!

– Госпожа Ларриет!

Пока я пыталась собраться с мыслями, дверь с громким стуком распахнулась, и в комнату торопливо вошла какая-то женщина. Едва слышав ее голос, я резко села на кровати:

– Няня?

– Проснулись уже?

Виконтесса Коэн, моя добрая няня! Она погибла прошлой осенью, когда их с супругом карета разбилась в дороге. Что же это такое?.. Получается, я в раю? Я, конечно, не заслуживала своей смертной казни, однако и такой праведной жизнью, как няня, тоже не жила.

– Нянюшка! – Я бросилась к ней, смеясь от счастья.

– Ну-ну! – отвечала она мне. – Да что это с вами сегодня? И поднялись-то так рано! День рождения у вас – вот, верно, и не спалось!

– День рождения?.. – переспросила я.

Разве на небесах бывают дни рождения? Да и умерла я летом, а день рождения у меня зимой. Разве что, пока я была на небе, не заметила, как пролетели остаток лета и осень. Я повторила свой вопрос, но няня только вздохнула:

– Да одевайтесь уже поскорее. Не холодно вам было ночью?

– Нет, не холодно!

– А то я уж велела Бойду принести дров побольше, чтобы нашей госпоже не замерзнуть, – добавила она.

– Бойд? – поразила я. – И он тоже здесь?

Неужели мерзавец-император не пощадил даже нашего Бойда, графского управляющего, который точно ни в чем не был виноват? Меня охватило чувство собственной беспомощности пополам с острой жалостью.

– Ох, ну конечно же, Бойд здесь, – ответила няня и взглянула на меня в замешательстве. – Или вы о чем, госпожа? О его отпуске? Так он его когда отгулял-то!

– Отпуск? – переспросила я.

– Ну свадебный, – объяснила нянюшка. – Они с супругой ездили в путешествие – вы уж поймите, госпожа, дело-то молодое.

Но Бойд женился семь лет назад. Что еще за супруга? Он что, на небесах нашел себе другую? А ведь с Эмили они, бывало, ворковали, словно два голубка! Вот ведь и вправду, человеческая душа – потемки!

– Ну что ж. – Я фыркнула. Мужчинам, как видно, верить нельзя! – Свадьба так свадьба!

Не знаю, расслышала няня мои последние слова или нет – она уже заправляла кровать, бормоча:

– Его светлость-то уж тоже... ну проштрафилась юная госпожа в учебе, так что ж ее теперь – накануне самого дня рождения запирает в эдакую комнатенку?..

Слушая недовольное, но такое ласковое и родное ворчание няни, я начала глупо улыбаться. Как же сильно мне не хватало этой доброй, заботливой женщины! Нянюшка как раз наклонилась, застилая мою постель. Я обняла ее со спины и крепко-крепко прижалась. Как тепло! До чего же мне повезло, что она тоже здесь, на небе!

– Нянечка, – сказала я, пряча лицо в ее одежде. – Я так по тебе соскучилась!

– Ну-ну-ну, – с притворной строгостью сказала она. – Что это вы у нас, госпожа: чем дальше, тем ребячливее!

– Впадаю в детство! – засмеялась я, продолжая крепко обнимать ее.

Нянюшка, в свою очередь, как ни в чем не бывало продолжила застилать постель, не пытаясь избавиться от моих объятий. А я просто боялась разжать руки, боялась, что стоит мне отпустить ее, как она исчезнет.

Закончив с постелью, няня ловко повернулась, оставаясь внутри кольца моих рук.

– Ну что такое, госпожа? – ласково спросила она. – Не сон ли дурной вам приснился?

– Нет, – сказала я. – Не сон. А что, похоже, что мне снились кошмары?

– Ой, да что ж, с чего бы! А только ведь и молодому хозяину нынче дурные сны снятся.

– Какому молодому хозяину? – растерянно спросила я.

– Как это какому? – в свою очередь поразила я няню. – Ну какой тут у нас есть еще молодой хозяин – братец ваш младший, мастер Луан!

Мои глаза стали совсем круглыми от удивления. Не может быть! Вот Луану на небе точно не место! Я не могла поверить, что мой брат попал в рай, хотя в том, что мы сейчас на небесах, не сомневалась.

– Так Луан здесь? – спросила я няню.

– Ну что за глупые вопросы, госпожа! Конечно, он здесь. Где же еще быть молодому господину, как не в графском поместье!

– Да как он смог попасть на небо? – пробормотала я и вдруг осеклась, осознавая, что только что сказала няня. – Где, ты сказала, мы находимся? – медленно переспросила я.

– Как где? В Бельфернийской империи, вестимо! В имении графа де Белуа, вашего батюшки. А это вот место, где мы с вами сейчас, – чердак во флигеле имения. – Нянюшка ласково провела указательным пальцем по моим нахмуренным бровям, разглаживая их. – Да что с вами, милая моя? Не проснулись еще, что ли?

– Так мы... в имении?

Наше имение сгорело до основания – кто-то его поджег – месяц тому назад, в тот самый день, когда схватили отца и брата. Я своими глазами видела дочерна обугленные руины на месте дома.

Невозможно. Я положила руку на грудь, пытаюсь успокоить колотящееся сердце, и оглядела комнату. Да, я определенно ее узнала. Это была «комната для наказаний», в которой меня и Луана иногда запирали отец, когда нам случалось в чем-нибудь провиниться, – старый, пыльный чердак отдельно стоявшего флигеля в нашем имении. Я всегда боялась оставаться здесь одна, в темноте. Вот только мне не случалось бывать в этой комнате с тех самых пор, как мне исполнилось двенадцать.

– Госпожа Ларриет? – Голос няни вывел меня из задумчивости.

– А какой сегодня... нет, – оборвала я себя. – Няня! Сколько мне лет?

– Как же! Сегодня день вашего рождения, стало быть, уже двенадцать.

– Двенадцать?! – Я замерла, побледнев.

Няня с тревогой всматривалась в мое лицо.

Нет, нет, нет! Не может быть, что мы сейчас в нашем поместье и мне двенадцать лет. Я ведь умерла в восемнадцать!

Не отвечая на тревожный нянин взгляд, я бросилась к дверям. Если мы действительно в поместье, если это «комната для наказаний», то рядом должна находиться еще одна, в которой спал Луан. В детстве мы с ним дружили, и он всегда ночевал в соседней комнате, когда меня за какую-либо провинность отсылали во флигель. Луан знал, как сильно я боялась оставаться одна в этом мрачном месте.

– Луан! – срывающимся от волнения голосом позвала я.

Соседняя комната была заперта. Охваченная страхом, я беспорядочно заколотила кулаками по массивной двери из красного дерева. Будь там! Пожалуйста, пожалуйста, ради всего святого, окажись там!

– Луан! – кричала я. – Луан, это я, Ларриет! Открой! Луан, ты там?!

Меня душили подступающие рыдания. Я хотела снова увидеть младшего брата. Рай это или ад, мне было все равно, я просто хотела еще раз увидеть своего Луана, с которым даже не успела попрощаться, перед тем как его отправили на гильотину.

– Луан!

– Что такое?

Тяжелая дверь внезапно распахнулась, и на пороге появился заспанный, наспех одетый мальчик. Он отличался от того крепко сложенного юноши, каким я запомнила брата, но детские черты его, без сомнения, напоминали Луана. Да нет, конечно же, это и был Луан. Лицо мальчика почти до половины скрывали растрепанные кудри – не такие, как у меня, легкие и светло-каштановые, а густые, темно-шоколадные фамильные локоны де Белуа.

Я порывисто обняла брата. Он с недетской серьезностью посмотрел на меня снизу вверх, слегка озадаченный такой внезапной нежностью.

– Сестрица, вам что, приснился дурной сон?

С тех пор как мне исполнилось десять, брат обращался ко мне исключительно на «вы». Я пыталась с ним спорить, запрещать ему, злилась, даже скандалила – все без толку. Он не

изменял этой несчастной привычке до самого последнего дня своей жизни. И кто бы мог подумать, как сильно меня однажды обрадует это его «вы»! Смеясь и плача, я поцеловала его:

– Доброе утро, Луан!

– С днем рождения, сестрица! – серьезно ответил он, вытирая мои слезы своей тоненькой, будто веточка, рукой.

* * *

На постели меня ожидало платье, аккуратно разложенное кем-то из горничных, – зимнее, из тяжелого зеленого бархата. С ним хорошо сочеталась светло-зеленая лента, тоже бархатная, с помощью которой я забрала волосы в высокий хвост. До этого момента я не чувствовала холода, но стоило мне взять в руки этот теплый, красиво расшитый золотыми нитями наряд, как я внезапно осознала, насколько раздета, ведь на мне сейчас была лишь тонкая сорочка-неглиже, которую я надевала на время сна. И тут же я поняла, почему няня не возражала против объятий, хотя мне стукнуло уже двенадцать и я была вовсе не маленькой. Я всегда страшно мерзла.

Трясаясь и стуча зубами от холода, я торопливо продела голову в горловину платья. Конечно, графской дочери подобало дожидаться личной горничной, а потом с надутым лицом позволить себя одевать. Вот только из-за сурового нрава отца, не признававшего никакой роскоши, собственных горничных у меня отродясь не водилось.

Няня, которая как раз вернулась с водой для умывания, хотела было помочь, но к тому моменту я уже натянула платье.

– Ох, госпожа, – вздохнула няня. – И когда вы научились сами одеваться?

– Так ведь мне уже двенадцать! – заявила я.

Вообще-то, я начала управляться со своей одеждой, когда мне исполнилось четырнадцать – через два года от времени, в котором я находилась сейчас. До того, разумеется, я тоже умела одеваться сама, но именно в четырнадцать впервые ощутила, что мне уже не нужна чужая помощь. Однако сейчас для няни я решила сделать вид, что просто отчаянно стремлюсь к самостоятельности. Глядя на ее озадаченное лицо, я пожала плечами:

– Нянечка, я ведь уже взрослая!

– Да уж, – проговорила няня. – Пожалуй, наша госпожа и впрямь стала совсем взрослой...

Я думала, что она будет рада за меня, но ее лицо стало печальным – даже печальнее, чем прежде. Она заставила себя улыбнуться. Мне невыносимо было видеть ее грусть и эту вымученную улыбку, поэтому я шагнула к няне и потребовала:

– Обними меня!

– Что? – растерялась она.

– Мне холодно! – заявила я. – А ну-ка, обними меня, няня!

Несмотря на мой командирский тон, няня, казалось, была растрогана этим безапелляционным требованием. Стоило ей без лишних вопросов прижать меня к своей груди, как я дернула за ленту в волосах и распустила самостоятельно сделанный хвост.

– А теперь, – скомандовала я, – раз уж я сама оделась, расчеши-ка меня как следует и надень туфли!

– Вот оно как! – удивилась няня. – А кто это тут недавно говорил, что уже совсем взрослый?

– И умой меня, – напомнила я.

– Ладно уж, – проворчала она. – Только сегодня. Ради вашего дня рождения.

Несмотря на это ворчание, когда няня усадила меня за туалетный столик перед зеркалом, я заметила в его отражении, что ее лицо немного прояснилось. Мы с Луаном день ото дня становились старше, и наша няня не могла скрыть своей печали, хотя мы, как и все дети, только и

мечтали поскорее вырасти. Чем чаще отец напоминал нам о долге и обязанностях аристократов, тем сильнее я мечтала о том времени, когда стану взрослой леди и сама буду управлять своей жизнью. Но лишь теперь я поняла: когда стану взрослой, моя няня уже не сможет быть со мною рядом, как прежде.

– А что, может, мне и заплести вас? – поинтересовалась няня.

– Да, пожалуйста! – попросила я. – У тебя косы получаются куда красивее, чем у Дороти.

Несмотря на то что этим сравнением я просто хотела сделать няне приятное, я не покривила душой. Дороти частенько не удавалось справиться с моими локонами, она лишь еще больше их запутывала. Я украдкой взглянула в зеркало, замечая довольное выражение лица няни, и улыбнулась: мои слова, которые, вероятно, немало огорчили бы бедняжку Дороти, явно согрели ей сердце.

– Нянюшка, – сказала я. – Когда я вырасту и ты уедешь к себе домой, приезжай к нам в гости часто-часто!

Она тихо засмеялась в ответ на мою просьбу, и я опустила веки, слушая, как ее смех мягко наполняет комнату. Няня ласково прочесывала мои волосы щеткой, и мне было так хорошо! Как же давно моей головы не касались добрые нянины руки! Она ведь вернулась к себе на родину, в Коэн, когда мне исполнилось пятнадцать. А потом погибла. Я крепко зажмурилась, поклявшись себе, что теперь не разрешу няне и близко подходить к запяженным экипажам.

– Когда это случится, моя хорошая, то и вы уже в графском имении жить не будете, – помолчав, ответила она.

Я тихо фыркнула. Я-то знала, что не выйду замуж. Несмотря на то что де Белуа были весьма знатным родом, ко мне попросту не сватались. Это было так странно, что на этот счет даже судачили: не нашлось ни одного мужчины, который пожелал бы вступить в союз с родом де Белуа через брак со мной.

Даже сейчас, когда я об этом вспоминала, такое положение казалось непонятным и унижительным. На Луана, который был младше меня на год и которого как мужчину вообще меньше торопили с браком, с пятнадцати лет под всевозможными предложениями вешались поклонницы из самых разных семейств. Венцом моих успехов на этом поприще было предложение руки и сердца от какого-то захудалого баронишки из дальних краев, чьего имени при дворе никто слыхом не слыхивал.

Я была предельно обыкновенной. Высокородная наследница светлейшего графа де Белуа, снискавшего уважение аристократии и простого люда. Единственная дочь в роду, в котором даже в побочных ветвях рождались одни сыновья. Ни в моем облике, ни в моем нраве не было ровным счетом ничего необычного, не считая разве что некоторой вспыльчивости.

Я была жесткой, упрямой и довольно неласковой – во многом точь-в-точь отец по характеру. Разумеется, это отвращало от меня мужчин. Однако подобные несущественные мелочи никак не могли препятствовать аристократическому браку. Любые мои недостатки должно было с лихвой покрыть имя отца, графа де Белуа. В конце концов, почти у всех молодых избалованных аристократок нрав был далеко не сахар!

Отчего же в таком случае я столь низко оценивалась на рынке невест? Этого я не могла понять ни тогда, ни сейчас. Впрочем, теперь, в отличие от прошлого, меня это не волновало. Отныне главной целью моей жизни стало выживание. Если я не выйду замуж – ничего страшного. Чем выплакивать глаза оттого, что никто не желает взять меня в жены, я лучше брошу силы на защиту семьи де Белуа.

Подвывая красиво заплетенную няней косу с помощью ленты, которую до этого крепко стискивала в кулаке, я взглянула на свое отражение в зеркале. Детские черты моего лица не вязались с застывшим выражением, которое оно приняло.

Добрый супруг? Без надобности. Пышные платья? Не впечатляли меня и прежде, а теперь и подавно.

Я никогда не интересовалась политикой. И понятия не имела, каков статус моего отца среди прочих аристократов или какие у него отношения с императором – тем самым, кто погубил нашу семью, а ныне был еще только принцем. Теперь мне жизненно необходимо предстать в хорошем свете перед безумным правителем, которого я до сих пор видела только издали на балах. Следовательно, настала пора разобраться в политике.

«Проклятый ублюдок, – подумала я. – Что такого мог совершить мой отец, что ты посмел обвинить его в позорнейшей измене?!»

Услышь няня мои мысли, она, вероятно, упала бы без чувств, поэтому я прикусила язык, скрипнув зубами. Как бы сильно я ни ненавидела его, я намеревалась говорить этому ублюдку именно такие сладкие речи, которые он хотел слышать. При помощи лести, щедро сдобренной медом и патокой, я вместо своего отца собиралась защитить семью де Белуа.

Кстати, сколько императору сейчас лет?

Я стала вспоминать. Кажется, он был старше меня на год или два. Стояла осень, а ему было шестнадцать, когда его публично именовали наследником трона и впервые показали народу. Это уже потом, после коронации, будучи императором, он будто с цепи сорвался, а пока еще даже не был наследным принцем и, видимо, берег силы. Яви он сейчас свою жестокость, как сделает потом, – об этом ходили бы слухи, которые волей-неволей услышала бы и я. Но слухов не было. И мне сейчас только двенадцать. Значит, он еще даже не наследный принц.

– Няня, – сказала я. – А сколько сейчас лет принцу Руперту?

Я никогда не думала о наследном принце, обитавшем в Шампани, столице нашей империи. Хотя для девушки из знатного рода вполне естественно мечтать о том, чтобы однажды, будто в сказке, стать принцессой, особенно когда глаза загораются при упоминании кого-нибудь из принцев. Но я обходилась общим знанием генеалогии императорского рода, да и то лишь потому, что этого требовал домашний учитель. Разумеется, ни о какой особенной преданности императорской семье речи не шло. И тем не менее возненавидеть меня до такой степени, чтобы казнить за равнодушие, было вопиющей несправедливостью!

Я стиснула зубы, сглатывая подступающую к горлу горечь, и стала ждать ответа няни. Ее, однако, озадачил мой вопрос. Я уже собиралась повторить его, когда няня меня опередила.

– Принцу Руперту? – переспросила она.

– Ну да, – ответила я. – Руперту Эдгару Расперу Вельнеруму. Единственному сыну ее величества.

Император Расперих Первый – так его назовут при коронации. Имя, которое войдет в историю Бельфернийской империи как имя свирепого и порочного тирана.

Няня, однако, покачала головой, словно слышала его впервые.

– Вы, может, имеете в виду принцессу Лаперту? – спросила она. – Единственную дочку императрицы?

Это еще что такое?..

– Дочку?! – Я нахмурилась.

– Ну да, дочку, – повторила няня. – Принцессе Лаперте в этом году исполняется тринадцать. Видеть ее мне не довелось, но, говорят, она раскрасавица.

– То есть других детей у императрицы нет?

– Насколько мне известно, нет. – Няня пожала плечами.

Внезапно я вспомнила, почему ничего не знала об императоре прежде, чем он стал наследным принцем. Принц Руперт, человек, впоследствии ставший императором Расперихом Первым, ранее был вынужден скрываться под видом принцессы. То была уловка императрицы Ардель: у нее не имелось родственников, которые могли бы выступить в поддержку принца, и, чтобы защитить его в притязаниях за трон, она придумала для него женскую личину.

И как я могла об этом забыть! Я вспомнила, в каком шоке пребывали все, когда это открылось. В особенности принц Арнульф, который уже поверил, что титул наследного принца у него в кармане, и весьма болезненно рухнул с небес на землю. Я с силой прикусила себе палец, злясь на собственную безголовость, и няня с испугом схватила меня за запястье:

– Ох, госпожа, да что же вы!

– Это я сержусь на себя, что не смогла запомнить имя нашей единственной принцессы! – выкрутилась я.

– Ничего удивительного, – возразила няня. – Откуда ж? Ваш батюшка, граф, большую политику не жалует, а вы сами еще только начали брать уроки у мадам Крисси.

Ох, эта мадам Крисси...

Я непроизвольно нахмурилась, стоило только услышать это имя. Оно было мне неприятно. Крисси Остин была нашей домашней учительницей. Строгая и требовательная, она вместе с ласковой няней отвечала за мое образование. Мадам Крисси, образец истинной бельфернской леди, свято верила, что мягкость, абсолютная покорность своему супругу, а также почитание императорской семьи – главные добродетели всякой женщины.

Ласково постучав пальцем по моему нахмуренному лбу, нянюшка широко улыбнулась и сообщила, что мой утренний туалет окончен. Я не могла не улыбнуться в ответ, а затем, вскочив с места, закружилась по комнате.

– Наша госпожа – просто глаз не отвести! – сказала няня, любуясь мной.

– Я-то? – Мне оставалось только удивиться.

– Само собой, – ответствовала няня. – Да вы у нас лучше принцессы Лаперты, даром что та первая красавица во всей империи!

В голосе няни прозвучали нотки почти материнской гордости. Ее собственная дочь умерла от болезни совсем маленькой, когда ей не было и годика, и уже после этого виконтесса стала моей няней. Немудрено, что она относилась ко мне практически как к родной дочери. Что ж, как говорится, и ежике ее ежата милее всего кажутся!¹ Вот и в глазах няни я выглядела самой красивой девочкой на свете.

В детстве я, конечно, отчасти верила ее словам, но даже тогда понимала, что все-таки не отличаюсь особенной красотой. Вероятно, моя внешность как раз и была одной из причин, по которой ко мне не сватались.

– Это неправда! – заявила я. – Ничего я не красивая!

– Да честное слово! – возразила нянюшка, глядя на меня с обожанием. – Вы ведь прехорошенькая! Вот гляньте-ка в зеркало!

Я знала, конечно, что была некрасива, но кому не понравятся комплименты! Смущенно улыбнувшись, я взглянула на свое отражение.

Сейчас, будучи еще ребенком, я выглядела значительно лучше, чем Ларриет из будущего. Мои щеки были нежно-розовыми, словно персик, и чуть припухшими, что добавляло мне очарования, а взгляд темно-карих глаз искрился той непосредственностью, которая свойственна одним лишь детям. Нет, я была далеко не красавицей, но из зеркала на меня смотрела весьма милая девочка, и очаровательное платье с лентами очень ей шло. Неловко было признавать, но, пожалуй, вид у меня был довольно-таки кукольный. Я глупо улыбнулась и разгладила свои красиво заплетенные няней косы.

– Ну что? – торжествуя спросила няня. – Ведь хороша же моя госпожа?

– Ну... пожалуй, да, – вынуждена была признать я.

Во взрослом возрасте я стала далеко не красавицей. Я была худой и мрачной – весь мой характер отражался на лице. Благодаря спартанскому воспитанию отца я даже пудрой никогда не пользовалась. В детстве я еще упорствовала в таких девичьих уловках, как повязыва-

¹ Корейская пословица. Русский аналог: «Всякой матери свое дитя мило». *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

ние ленточек или вплетение в волосы цветов, но потом решила носить безыскусную взрослую прическу, а одеваться стала в простые коричневые платья прямого кроя и без единого украшения. Я считала, что именно так следует одеваться девушке, которая воплощает собой образец аристократки. Просто убранные каштановые волосы, карие глаза, ничем особенно не примечательные черты лица – неудивительно, что молодые люди на меня не заглядывались.

И при этом в списке смехотворных обвинений, которые были предъявлены мне перед казнью, самое смехотворное – расточительность – стояло на первом месте! Полагаю, это обвинение извлекли исключительно из тех двух фактов, что я была аристократкой и женщиной. Раз я женщина, значит, люблю блеск драгоценностей; раз я аристократка, то наверняка мотовка. В самом деле, зачем обращать внимание на мой подлинный образ жизни! Подписать приговор не глядя – и ладно. С бессмысленной жестокостью император одним махом растоптал и доброе имя моего рода, и мое собственное, пусть и скромное, но все же человеческое достоинство.

О, мерзавец!

Я с ненавистью выдохнула сквозь зубы, сдерживая ругательства, которые сами собой приходили на ум при одной мысли о моем палаче. Расточительство?.. Ну, я покажу ему, что такое расточительство. Мои глаза засветились предвкушением, когда я представила, как сойду с ним ближе и заставлю его тратить деньги без счета. Ведь за исключением нынешнего императора, императрицы и их приближенных, похоже, только мне известно, что принцесса Лаперта на самом деле принц Руперт, наш будущий правитель.

В голову пришла было идея пустить слух о тайне «принцессы Лаперты» в стане принца Арнульфа, чтобы заранее устранить Руперта, но вряд ли мать Арнульфа, урожденная герцогиня Арнбах, поверит словам ребенка, которым я сейчас, увы, являюсь. К тому же амбициозная и опытная герцогиня хотя бы раз сама должна была задуматься, не переодетый ли юноша Лаперта.

Герцогиня и принц Арнульф проиграли в той подковерной, но жестокой игре, которая велась вокруг императорского престола в Бельфернийской империи, и ценой их поражения стала смерть. Герцогиня задохнулась во время пожара. На первый взгляд все выглядело как несчастный случай – но я, испытавшая жестокость императора на себе, не сомневалась: ее гибель неслучайна. Принц Арнульф последовал за матерью: его лично гильотинировал император, после того как жестоко расправился со всеми родственниками Арнульфа по материнской линии.

Принц Руперт – вот кто стал... нет, еще только станет! – новым императором. Когда на карту был поставлен императорский престол, Руперт вначале тихо, как змея, залег на дно, чтобы никто не сумел его тронуть, а потом, когда настало время действовать, ни перед чем не остановился, чтобы выжить. Ныне он пока скрывается под унижительной личиной девицы. Но придет время – и он пойдет к трону с огнем и мечом, и меч его будет разить, словно жесточайшая из ледяных зим нашей империи.

Я не могла придумать ни одного способа избавиться от этого жестокого зверя, прежде чем он превратится в безумного императора. А если он все-таки доживет до своего воцарения, то и мне нужно каким-то образом избежать кровавой резни, которая ждет мою семью. Но как?

По всей видимости, единственный для меня способ уберечь отца от гнева императора – не уповать на совесть, которой у этого подлеца отроду не бывало, и не говорить ничего прямо, а, напротив, буквально утопить его в водопадах сладчайшей лести.

* * *

Вроде бы справляли день рождения двенадцатилетней девочки, но количество гостей, наводнивших графское поместье, поражало воображение. Вероятно, на самом деле это были люди из разных политических партий, пришедшие заручиться благосклонностью моего отца,

который сохранял нейтралитет в политике – и сохранил его до самой смерти. Будучи ребенком, я не замечала всего этого и просто хлопала в ладоши от радости, что столько людей собралось отпраздновать мой день рождения. Дурочка!

Я проклинала свою наивность. Двенадцать лет – это, конечно, совсем мало, и все-таки я могла быть немного проницательнее! Мне следовало понимать, что есть какая-то причина для того, чтобы множество стариков-аристократов, которых я никогда не видала, вдруг накопили кучу подарков и все разом приехали на детский праздник в поместье Белуа.

Интересуйся я хотя бы немного политикой, может, осознала бы, что наш император – жестокий безумец. Вместо того чтобы гордиться непреклонностью отца, мне следовало обеспокоиться, к каким последствиям приведет его упрямое нежелание гнуть спину перед кем бы то ни было.

Ничего этого я не делала. Считая, что аристократ в первую очередь должен заботиться о своем поместье и подавать окружающим нравственный пример, я не задумывалась, каково положение моего отца в свете и какая ответственность на нем лежит. Граф де Белуа, возможно, и не собирался выходить на политическую арену; но отец не понимал, что, несмотря на его собственную позицию, ни император, ни другие аристократы с этой арены сходить не намерены.

Мой отец мог быть замечательным человеком, но в мире не существует людей без недостатков. Я этого не понимала. Я слишком доверяла ему, считала, что он защитит нашу семью от любой напасти – забывая при этом, что он всего лишь человек, и не осознавая, насколько тяжела ноша на его плечах.

Я отыскала отца в толпе, заполнявшей зал. Его лицо показалось мне застывшим: вероятно, его раздражал бесконечный хоровод аристократов вокруг. Мой дорогой отец сейчас был куда моложе, чем в день своей казни, и я усилием воли подавила подступающие к горлу слезы. Волосы у него были точно такого же оттенка, что и кудри Луана, – темно-каштанового, теплого, самого моего любимого цвета.

Прими отец в свое время сторону нашей идеальной императрицы – выжил бы тогда род де Белуа? В ответ на эту глупую мысль я только покачала головой. Де Белуа с давних времен служили опорой старой аристократии, но граф де Белуа, мой отец, ценил свой нейтралитет едва ли не больше жизни. Честный и прямой от рождения, он никогда бы так легко не изменил своим принципам.

Нет. Единственный человек, который может, вернувшись в прошлое, изменить в нем что-либо, – это я сама. Император родился жестоким зверем – таковым он и останется; и мой отец тоже будет таким, каким появился на свет, и не поменяется ни на йоту. Отец не станет подчиняться безумным приказам императора, даже если его детям будет грозить гибель. А значит, меняться придется мне.

Это я буду защищать род де Белуа.

Подобрав подол платья, я бросилась к отцу.

– Папа!

Мое появление первым заметил телохранитель отца, сэр Герман. Он коснулся его плеча, прерывая беседу с незнакомым мужчиной, и указал на меня. Отец обернулся и нахмурился – он явно собирался отчитать меня за то, что я посмела прервать взрослый разговор. Весело кивнув Герману, я бросилась в объятия папы, игнорируя суровое выражение его лица.

– Ларриет, – сухо сказал отец. – Подходя ко взрослым, следует поздороваться.

– Здравствуйте, – быстро бросила я папиному собеседнику, который, казалось, застыл при звуках резкого голоса отца, и снова обернулась к папе, порывисто целуя его в щеки, в жесткую бороду – всюду, куда могла дотянуться.

– Отец, папочка, я так по вам соскучилась! Вы здоровы? С вами все хорошо? – засыпала я его вопросами. – Вы выглядите уставшим!

Отец, кажется, был слегка ошарашен таким неожиданным приливом нежности с моей стороны, и немудрено: я по натуре была не очень-то ласкова.

– Вижу, ты весьма рада своему дню рождения, – наконец сказал он значительно более мягким тоном, глядя меня по голове.

Я спрятала лицо у отца на груди, украдкой вытирая выступившие слезы.

– Отец, живите долго-долго, – прошептала я.

– Ваша светлость, похоже, дочь к вам весьма привязана.

Я обернулась к говорившему. Это был мужчина, с которым отец беседовал до моего появления, – с прямой осанкой, будто проглотивший палку. Криво усмехаясь, он наблюдал за изливанием дочерних чувств. При ближайшем рассмотрении он показался мне знакомым. Я нахмурилась. Кто бы это мог быть?

– С днем рождения, леди Ларриет. Луис Баден к вашим услугам, – вежливо поклонился мне мужчина.

Едва услышав имя, я вспомнила, что знаю этого человека. Луис Баден. Верный пес императора, без единого унаследованного титула ставший во главе имперских рыцарей. Именно он бросил моего отца и Луана в тюрьму, не потрудившись даже объяснить им хоть что-нибудь.

Я безмятежно улыбнулась, укрывая в складках платья сжатые до белых костяшек кулаки. Ублюдок! Я еще не забыла, как проклинала тебя!

– Благодарю вас, сэра Баден!

В ответ на мои слова его лицо вдруг потемнело.

– А как вы поняли, что я рыцарь, юная леди? – поинтересовался он, медленно поглаживая свою бородку.

Хороший вопрос! Мы встретились в первый раз, а у него нет при себе меча. Откуда я могла знать, что он рыцарь, и почему назвала сэром? Вернусь в свою комнату – нужно будет еще раз укутить себя за палец! Ругая себя на чем свет стоит за неосторожность, я широко раскрыла глаза, изображая наивное удивление:

– Вы такой благородный! А раз благородный – значит, наверняка рыцарь!

Луис добродушно рассмеялся. Похоже, мой детский комплимент пришелся ему по душе.

– Вы тоже, юная леди, весьма милы, – любезно сообщил он.

– Знаю! – заявила я и высоко задрала нос, чтобы показать, что не желаю с ним слишком уж любезничать.

Ох... Но, кажется, теперь я выглядела невоспитанной. Я оглянулась на отца, ожидая, что он отругает меня за дерзость, но тот все еще улыбался. Похоже, так подействовал мой прилив нежности к нему. Вот это да!

– Папа, я голодна, – капризно заявила я, закрепляя успех.

– Да, конечно, – мягко сказал отец, приобнимая меня за плечи. – Давай-ка поедим. Луис, вы нас извините?

Высочка из низов и верный пес императора Баден ослабилась, словно не уловил прямого намека:

– Кстати сказать, пожалуй, я тоже проголодался. Юная леди разрешит мне составить вам компанию?

Вопрос был задан тоном, который всерьез не предполагал отказа. Сэр Баден пока еще не стал значительной фигурой на доске, ему еще не пожаловали рыцарства, но он уже готовился превратиться в разящий меч его величества Распериха Первого. Люди любили сэра Бадена за его обходительный нрав – что там, он был приятен даже моему недоверчивому отцу. И уж конечно, он верил, что ему не составит труда понравиться ребенку вроде меня.

Вот только я, услышав его вопрос, громко фыркнула. Я не могла забыть, как он, послушный приказу своего императора, предал доверие отца и отправил его вместе с моим братом на смерть.

– Леди не разрешит, – сказала я ему.

Лицо Бадена омрачилось, он не ожидал подобного ответа. Испытывая удовольствие оттого, что сумела задеть его, я, однако, добавила извиняющимся тоном, избегая встречаться с ним взглядом:

– Я просто хочу поесть наедине с отцом. Надеюсь, вы меня извините.

Отец ничего не сказал, но, похоже, почувствовал мою неприязнь к Бадену. Когда тот отошел, сухо и довольно небрежно поклонившись нам на прощание, я стиснула отворот отцовского камзола:

– Папа!

– Он что, тебе не по нраву? – прямо спросил отец.

– Да... Пожалуйста, будьте осторожны с этим человеком! – пробормотала я. – У меня... у меня очень-преочень нехорошее предчувствие на его счет.

Мой отец был не из тех, кто отмахнулся бы от чужих слов только потому, что это были слова ребенка, но и выслушивать необоснованные обвинения он определенно не желал. Решив на будущее, что мне нужно хорошенько присматривать за отцом, я вывернулась из его рук и шагнула к столу, который ломился от разнообразных яств.

– Ого! – восхищенно сказала я. – Марсель, как видно, постарался на славу!

Брови отца поползли вверх.

– Марсель? – удивленно переспросил он.

Ох, точно. Марсель пока еще был всего лишь помощником повара. Я торопливо помотала головой:

– Не Марсель, конечно же, а наш главный повар, Вернер! Марсель, наверное, я не знаю... резал салаты.

Кусая себя за язык, я заняла место во главе стола. Больше всего на свете мне хотелось пообедать с отцом вдвоем – я сто лет, казалось, не сидела с ним за обедом, – но он велел мне присоединиться к подругам, а сам куда-то ушел. Увы, для него не прошло столько времени, сколько для меня!

За столом уже сидело множество юных аристократок, моих ровесниц. Все они болтали и смеялись, а стоило мне приблизиться – наперебой поприветствовали меня. Я улыбнулась той, с кем была на короткой ноге:

– Трисс! Давно не виделись!

Она засмеялась, вставая, чтобы пересесть ко мне поближе:

– Так уж и давно!

Когда Беатрис двигалась, ее вьющиеся голубые кудри мягко подпрыгивали на плечах, будто это были морские волны. Глядя на эти небесного цвета волосы, я вспомнила ее отца, маркиза де Гортена.

Де Гортен был далеко не так родовит, как мой отец, зато умен, словно старая лиса. Благодаря своему уму он сумел оказаться в числе тех, кто избежал гнева императора. Маркиз был давним другом отца, я считала его все равно что родным дядей. Но когда пришло время, он в одночасье отрекся от бывшей дружбы и отвернулся от нас.

Как наяву видела его застывшее, жестокое лицо. Я стояла перед ним на коленях, обливаясь слезами, умоляя помочь моему отцу. Он оттолкнул меня, презрительно выплюнув:

– Глупая девка!

Это было жестоко. Невыносимо жестоко! Я стиснула зубы. Знала ли Беатрис, которая была такой же обыкновенной девушкой, как я, о том, как подло ее отец предал моего? О, вряд ли! И все же я чувствовала, что теперь не смогу испытывать к ней прежнюю нежность.

Горюя о нашей утраченной дружбе, я тихонько сжала ее пальцы.

– Что ты? – спросила она меня.

– Да так, ничего, – ответила я.

В отличие от моей пухлой ладошки, рука Трисс была изящной до хрупкости. Трисс вообще всегда была такой стройной, что казалось, подуи ветер, и она улетит. Глядя на ее тонкие, будто птичьи, запястья, я строго спросила:

– Эй, ты вообще ела сегодня что-нибудь?

– Так ведь это ты у нас сегодня виновница торжества, – засмеялась Трисс, будто я сказала глупость. – Кто же осмелится набрасываться на еду раньше именинницы?

Я заставила ее опуститься на стул подле себя и торопливо взялась за приборы, взглядом здороваясь с соседками по столу. Те отвечали мне улыбками.

По девушкам, сидевшим за столом, я могла судить о том, кто из их родителей сейчас наиболее близок с моим отцом. Те аристократы, что не просто сами прибыли на этот праздник, но и взяли с собой семьи, определенно либо уже имели какие-то связи с графом де Белуа, либо стремились заручиться его расположением.

Маркиз де Гортен, граф де Венсан и виконт Хаммель были друзьями моего отца, о которых знала даже я. А ведь, кроме этой троицы, наверняка заводились иные знакомства – люди, которым отец доверял, но о которых я не имела понятия. Теперь у меня была цель: отыскать этих людей и убедить их в будущем замолвить за отца доброе слово перед императором.

Рядом со мной сидела Беатрис, старшая дочь маркиза де Гортена. Рядом с ней – Марианна, вторая дочь графа де Венсана, а напротив нее – Саша, родственница виконта Хаммеля. Я хорошо помнила, что в прошлой жизни именно эти девушки в основном составляли мой ближний круг.

Я оглянулась в поисках новых лиц, но большинство гостей вокруг были мне знакомы – увы, именно их семьи отвернулись от графа де Белуа в день его падения. Я горько улыбнулась. Если все эти люди сегодня так сильно нуждались в моем отце, что даже потратили свое драгоценное время на визит к его малолетней дочери, то почему ни один из них не защитил папу, когда на него обрушился гнев императора?

Лишь на дальнем конце стола мне удалось разглядеть незнакомку. Новенькая девочка, кажется, не встречавшаяся мне ни в прошлом, ни в будущем, ютилась у самого края стола, словно стремясь остаться незаметной. Какое-то время я пыталась поймать ее взгляд. Наконец она робко посмотрела на меня в ответ. Ее кругленькое, покрытое веснушками личико было мне абсолютно незнакомо. Кто это такая?

– Простите, леди! – позвала я ее. – Мне кажется, я вас раньше не встречала... Как ваше имя?

Девочка посмотрела на меня с таким испугом, словно боялась, что я ее сейчас ударю.

– Ох... н-не зовите меня так, госпожа! – умоляюще проговорила она. – Я вовсе не такая высокородная. Я не... я н-не леди.

Стоило девочке заявить, что она не леди, как за столом немедленно начали шептаться. Марианна де Венсан, поморщившись, грациозно прикрыла ладонью нос.

– Кажется, здесь дурно пахнет! – проговорила она. – Кто пустил простолюдинку за графский стол?

Теперь на девочку были устремлены все высокомерные, пронзительные взгляды присутствующих. О, я хорошо знала эту врожденную аристократическую гордыню благородных девиц, сидевших за моим столом! Вот только на собственном опыте убедилась, как безжалостно могут предавать эти благородные аристократы, еще вчера призывавшие к морали и справедливости.

Когда отец умер, яростнее всех за него вступились простые люди его графства. Бесправные, не имевшие никакого политического веса, вассалы графа де Белуа дошли до самой столицы, чтобы выступить против бесчинств императора. Они были вооружены лишь лопатами и вилами – и все до одного пали от меча Луиса Бадена, командовавшего обороной столицы.

Император был тираном и с презрением относился к простому люду. Но если даже этот простой народ, ничего не понимавший в государственных делах, и то восстал против убийства моего отца, называя его несправедливым, – не означало ли это, что отца действительно казнили напрасно?

Мои кулаки сжались под низко свисавшей скатертью. Я чувствовала эти холодные, презрительные взгляды, обращенные сейчас к бедной девочке, словно они были нацелены на меня. Точно так же, сверху вниз, смотрели эти люди и на вассалов моего отца, вместе со мной скорбевших о его кончине.

Взгляд девочки растерянно метался от одного лица к другому, пока наконец не встретился с моим. Я ободряюще улыбнулась ей – улыбка, правда, вышла немного кривой, потому что у меня спазмом сдавило горло.

– Леди де Венсан! – позвала я.

Марианна все еще прикрывала нос своей узкой, изящной ладонью. Она повернула ко мне голову, видимо рассчитывая на поддержку с моей стороны.

– Да, графиня де Белуа, – улыбнулась она. – Вы что-то хотели мне сказать?

Марианна говорила мягко, как подобает образованной девушке из благородного семейства. Тон ее выражал приличествующее почтение к статусу собеседницы, то есть меня. И тем не менее я не удержалась от усмешки, отлично зная, что все наше с ней образование суть бесполезная ложь и тщеславие, и ничего более.

– Вы ведь сегодня не купались, не так ли? – сказала я. – Только нанесли духи.

Лицо Марианны застыло.

– Да, – медленно ответила она. – И что же?

– От вас часто пахнет потом, – объяснила я. – Вот почему вы используете так много духов. Но когда жуткий запах парфюма смешивается с запахом пота, вонь получается невыносимая.

– Что?! – ахнула Марианна.

Я продолжала:

– Знаете, леди де Венсан, я... немного брезглива. А от вас просто воняет. Прямо невозможно терпеть.

– Это не от меня! – Лицо Марианны покраснело от гнева.

– От вас! – возразила я. – Совершенно точно пахнет с вашей стороны, леди де Венсан! Ух, как же ужасно пахнет!

Я состроила гримаску, будто меня вот-вот вырвет, и отвернулась от Марианны. Остальные девушки переглядывались, поглядывая на нас и округляя глаза, но никто не пришел Марианне на помощь. Сегодня я была главным лицом на этом празднике, и всем дочкам аристократов наверняка было строго-настроено велено показаться мне, дочери графа де Белуа, с самой лучшей стороны. Таковы они были – девушки, которых я считала своими подругами и которым верила.

– Ларриет! – все-таки шепнула мне одна из них. – Ты грубишь!

– Ох, извините за гру... – не договорив, я зажала рот, притворяясь, что меня снова мутит.

Беатрис вдруг хихикнула и сочувственно похлопала меня по спине. Марианна де Венсан вскочила, прожигая меня и Трисс взглядом. Вслед за ней, повинувшись еще одному гневному взгляду, поднялись две ее подруги. Все три выбежали из-за стола, даже не попрощавшись, – что было, между прочим, весьма невежливо. Но, разумеется, я не стала их останавливать!

Когда они ушли, я заявила, радостно улыбаясь:

– Ну, кажется, теперь мне гораздо лучше!

Остальные девочки, многие из которых так и не поняли, что произошло, вынужденно засмеялись.

– Давайте есть! – сказала я. – Умираю от голода.

Отрезав кусочек мяса, лежавший на тарелке передо мной, я быстро отправила его в рот. Девочка, которую я защитила, все еще не дотрагивалась до своих приборов – вероятно, думала, что Марианну выгнали из-за нее. Прожевав кусочек нежной говядины, я помахала ей рукой.

– Ваше имя, – сказала я. – Как, вы говорите, вас зовут?

– Мое имя – Тори Фассбендер, госпожа высокородная графиня, – осторожно ответила та. Я сморщила нос от такой церемонности.

– Все в порядке. Можете говорить проще.

От удивления девочка широко раскрыла глаза: видимо, она не ожидала такого дружелюбия в свой адрес. Оставив ее в замешательстве, я тем временем пыталась вспомнить, где же раньше слышала ее фамилию – не так много простолюдинов вообще их имели. Фассбендер, Фассбендер...

Я тихо охнула, наконец сообразив. Тори Фассбендер! Я знала ее как Тори Фассбендер-Вельнерум. Титул ее был самым высоким в империи – и совсем не соответствовал робкой простолюдинке, сидевшей сейчас за моим столом. Тори Фассбендер была женщиной, которую император сделал своей императрицей, несмотря на все возражения дворянства... и которую убил собственными руками на следующий день после свадьбы. Неужели это она?..

Я едва могла поверить своим глазам. Одежда на девочке была настолько бедной, что выглядела она практически нищенкой. Дурно сшитое платье из самой простой материи висело на ней мешком, словно она регулярно недоедала. Более того, по всей видимости опасаясь, что платье и вправду с нее свалится, она еще и подвязала его каким-то дешевым шнурочком. На лице ее ясно читались робость и даже страх. И она-то станет императрицей?..

Стоило в это верить или нет, но я ведь, в сущности, даже не помнила, как она выглядела: императрице довелось пробить на троне всего лишь сутки. Я сама видела ее только раз, и то издали, в день коронации, когда она ехала в открытой карете по улицам столицы. Ее имя и черты лица, весьма смутно запечатлевшиеся в памяти, – вот и все, что мне от нее осталось.

Так вот, значит, какой она была!

Я смотрела, как худая словно щепка Тори Фассбендер торопливо и почти не жуя заглатывает кусочки мяса, низко склонившись над тарелкой. Со своими жесткими, бледно-золотыми волосами, похожими на золотые кудри императора, только гораздо более непокорными и затянутыми в небрежный хвост, она выглядела гораздо младше меня.

Сколько же ей сейчас – лет восемь, девять? Скорее всего, она моложе императора... Когда тот женился на ней, она, будто в сказке, в одно мгновение превратилась из простолюдинки в императрицу – и умерла, не пробив в этом тяжелом и высоком статусе и дня. Когда по столице поползли слухи, что супруга императора умерла от его руки на следующий день после свадьбы, люди, еще не знавшие, насколько наш император безумен, предполагали, что она, вероятно, совершила прелюбодеяние. Ненавидевшие ее представители знати немедленно выдали необоснованные слухи за факты: мол, она была шпионкой, а то и давней любовницей принца Арнульфа, замышлявшей убийство императора. Вот так императрицу, пробывшую на троне меньше суток, посмертно осудили – и она канула в Лету.

Я сама отчасти верила в эти ничем не подкрепленные обвинения. Поведение императора, конечно, было непозволительным, но не мог же он убить собственную жену без причины. Вот только была ли она действительно виновата? Император отыскал ее неизвестно где; ее происхождение оставалось настолько туманным, словно она упала с неба, – но правитель тем не менее настоял, чтобы именно она стала его императрицей. Большинство аристократов и без того относились к простолюдинам как к животным, здесь же недовольными остались даже самые снисходительные представители бельфернской знати. Надо полагать, между императором и дворянами произошла нешуточная схватка по поводу этого брака.

Отец тоже осуждал сына. Правда, его больше беспокоило не происхождение жены императора, а ее непроверенные моральные качества. Фассбендеры были довольно крупными тор-

говцами для того времени, но ни о главе семьи, ни о его дочери Тори ничего толком не было известно. Отец сомневался, способна ли Тори Фассбендер стать настоящей императрицей, сможет ли она как следует служить своей стране. Однако, прежде чем у нее появилась возможность как-либо послужить империи, она погибла от рук собственного мужа.

Я ничего не знала об отношениях императорской четы. Отчасти потому, что меня это не интересовало, отчасти потому, что об отношениях между безумным императором и однодневной императрицей ходило огромное количество слухов, но практически ничего нельзя было сказать наверняка. Согласно этим слухам, императрица была то ничтожной женщиной, которая вертела высшими слоями общества, то виллетанской шпионкой, а то и вовсе бывшей любовницей принца Арнульфа, которого, как известно, император убил еще раньше. Правитель использовал жену, любил ее или был к ней равнодушен – все это определял конкретный слух. Я лично склонялась к мысли, что он ее использовал, потому что император, которого я знала, никого любить был не способен.

Я не имела понятия, когда император познакомился с Тори Фассбендер, но подумала, что отношения между ним и моим отцом должны были ухудшиться именно после ее появления. Отец вообще никогда не проявлял особенного интереса к делам правящей семьи. Ему не нужна была власть, поэтому он жил тихо, не посещая дворец, если только его туда не вызывали. Но отцу не нравилось, что император погубил принца Арнульфа, своего единокровного брата, за то, чего тот еще даже не совершил. И скорее всего, именно после гибели однодневной императрицы началось его скрытое противостояние правителю. Ведь, вместо того чтобы жить с Тори Фассбендер долго и счастливо, раз уж он сделал ее своей женой против воли всех придворных, император казнил ее в собственной спальне без суда и следствия. И погибла она не от рыцарского меча, а была застрелена из охотничьего ружья императора, словно добыча на охоте. Моего отца глубоко потрясла эта драма.

Именно тогда он, прежде всегда сторонившийся дел правителя, впервые сам обратился к нему. Графа де Белуа многие уважали, к его мнению прислушивались, и вслед за отцом немало дворян начали осуждать безумную выходку императора. Но, увы, именно на отца в результате обратился весь императорский гнев. Его столичный особняк и все имущество конфисковали, а сам он был унижительно лишен титула. Но даже после этого граф де Белуа не перестал высказывать свое мнение – и в конце концов был казнен.

Теперь же я была совершенно беспомощна перед этой девушкой, ставшей причиной гибели моей семьи, хотя она и не была в этом виновата. Разве могла я помешать Тори стать женой императора? Хотя, если бы тот не заставил ее стать своей императрицей, мой отец, вероятно, не оказался бы в оппозиции к власти. Теперь мне оставалось только молиться, чтобы Тори и Руперт никогда не узнали друг друга.

Вероятность, что Тори пока еще не встретила своего будущего супруга, была отнюдь не нулевой – учитывая, насколько плохо она выглядела. Судя по ее внешности, «Торговый дом Фассбендера» еще не существовал или был основан совсем недавно. Сейчас, не имея ни гроша за душой, познакомиться с принцем Рупертом (пока еще принцессой Лапертой) для Тори Фассбендер было равносильно чуду.

Минутку. А как же она тогда попала на мой день рождения?

Я нерешительно окликнула Тори, чувствуя себя немного виноватой из-за того, что отрываю ее от еды, которую она так жадно поглощала:

– Леди Фассбендер!

– Да, госпожа? – Она испуганно подняла голову, глядя на меня своими ясными зелеными глазами.

– А как вы оказались на моем празднике?

– П-п-простите меня, госпожа! – Она окончательно испугалась.

– Да нет же! Я вас не обвиняю, мне просто интересно!

– Я – с-служанка ее высочества принцессы Лаперты, – объяснила Тори, слегка заикаясь. – И ее высочество велела мне... она отправила меня...

Я тускло улыбнулась. И так, они все-таки уже встретились! Подумать только, императрица когда-то была фрейлиной нашего императора! Такого уж точно никто предположить не мог.

– Так, значит, – сказала я, – это ее высочество прислала вас ко мне на день рождения?

– Да, госпожа, – прошептала Тори.

Я ничего не ответила, а она вскочила на ноги, глядя на меня с тревогой и считая, видимо, что я разгневалась. Взгляды гостей, успевших уже углубиться в свои тарелки, вновь обратились к ней. Побелев от испуга, она прикусила костяшки своих тоненьких пальцев:

– Прошу прощения, леди графиня! Простите меня, простите! Ее высочество отдала мне приказ не подумав, и я посмела сесть туда, где мне не место! – Она сделала шаг назад, явно собираясь обратиться в бегство.

Я торопливо вскинула руку, удерживая ее на месте:

– Я вас не прогоняю! Просто удивилась, что вас прислала сюда принцесса Лаперта, а не принцесса Найджел, вот и все. Пожалуйста, оставайтесь и пообедайте с нами!

Разумеется, императорской семье было отправлено приглашение на мой двенадцатый день рождения, ведь это был такой важный праздник для нашей семьи. Но вообще-то и моя матушка, которая этот праздник организовывала, и я сама имели лишь весьма условное отношение к правящей императрице. Пока дом де Белуа не пал, он не был заметно связан с императорским дворцом, а когда дворец обратил на де Белуа свой взор, то принес семье смерть.

Я и понятия не имела, что принцесса Лаперта – нет, точнее, император Расперих Первый! – когда-то присылала свою фрейлину на мой день рождения. Само собой, в свои двенадцать лет я не заметила ее, жавшуюся у самого краешка стола, среди прочих знатных девиц. К тому же фальшивую принцессу мне тоже не довелось увидеть. Впервые мы встретились лицом к лицу, равно как и вообще осознали существование друг друга, уже после того, как Руперт стал наследным принцем.

Я вспомнила свою первую встречу с ним. Императорский бал, на который меня пригласили в шестнадцать лет, и единственный и неповторимый наследный принц Бельфернийской империи, сиявший ярче любой драгоценности на этом балу.

Беатрис при виде него буквально затрепетала от восхищения, и я тоже зачарованно смотрела на нашего наследного принца, пока не замечая жестокости, уже проступавшей в его чертах. Он поздравил меня с дебютом и представился так непринужденно, словно в самом деле только что узнал о моем существовании. Однако он уже присылал свою фрейлину на мое двенадцатилетие – а это означало, что он знал о моем существовании задолго до падения дома де Белуа.

Он знал. Император знал обо мне!

Я стиснула руки, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Нет, конечно же, не было ничего странного в том, что будущий наследный принц стремился заручиться поддержкой графа де Белуа и потому знал о существовании его единственной дочери, то есть меня. Станным выглядело не это – а то, что позднее он притворился, будто ему не известно о моем существовании. Он присылал свою служанку на мой день рождения, когда мне было двенадцать, а четыре года спустя сделал вид, что впервые слышит мое имя.

– Госпожа, – робко позвала Тори. – Вы... вы точно не сердитесь?

Думая о скрытых мотивах императора, я хмурилась, сама того не замечая, но, услышав вопрос девочки, быстро взяла себя в руки и кивнула. Весь стол замер, отложив в сторону приборы и слушая наш разговор. Я взглянула на Тори, которая жалко горбилась у своего места, не смея ни толком сесть, ни выпрямиться, и обратилась к ней ласковым голосом:

– Я в самом деле не сержусь! Я просто счастлива, что ее высочество ко мне так внимательна. Вы ведь передадите ей мою глубочайшую благодарность?

– Да-да-да! – торопливо подтвердила Тори. – Как пить дать, обязательно передам, госпожа графиня!

Я улыбнулась оттого, как она сбилась с высокопарного языка придворных на живую простонародную речь. Было ясно, что она еще недолго пробыла во дворце. И поношенное платье, и простые манеры – все с головой выдавало, что Тори стала фрейлиной совсем недавно. Но как могла императорская семья взять этого нелепого ребенка во фрейлины к своей принцессе, какой бы политически слабой эта принцесса ни была?

– Тори, – сказала я, – а вы, наверно, недавно служите Лаперте?

– Тому уж неделя, как я у ее высочества, – ответила она.

– Да, и впрямь совсем недавно!

Я собиралась расспросить ее подробнее, как она стала фрейлиной, но вдруг осознала, что мы с ней привлекаем к себе слишком много внимания. Даже Беатрис уже странно смотрела на меня, удивляясь моему интересу к простолюдинке. Делая вид, что не замечаю ее взгляда, я продолжала есть как ни в чем не бывало – благо самые вкусные блюда на столе располагались ближе к месту именинницы, то есть ко мне.

На длинном столе, покрытом тончайшей кружевной скатертью, вперемешку были расставлены розетки с малиновым и вишневым вареньем, кнели из баранины, супницы с крем-супом, стоял торт-медовик, истекавший свежайшим пчелиным медом, и горой на блюде лежали пирожные с густым шоколадом внутри. Сладостей было так много, что с первого взгляда и не поймешь, что здесь десерт, а что – основное блюдо. А все потому, что в детстве я обожала сладкое. Вернер, главный графский повар, редко готовил что-то подобное, заботясь о моем здоровье, – но сегодня, похоже, изменил собственному правилу ради моего дня рождения. Вот только мне, взрослой, на этом детском столе есть было практически нечего: с возрастом мои вкусовые предпочтения поменялись, и теперь все эти сладости были мне в тягость.

Беатрис с тревогой смотрела, как я вяло ковыряю десертной вилочкой пирожное, которое в свои двенадцать смела бы с тарелки в мгновение ока. Наклонившись в мою сторону, она легко коснулась своей маленькой рукой моего лба и спросила, глядя на меня с искренним беспокойством:

– С тобой все хорошо? Не заболела ли?

– Нет, а что? – отозвалась я, чувствуя себя довольно глупо.

Беатрис вздохнула:

– Ты даже не притронулась к шоколадному пирожному. А оно ведь твое любимое!

– Да просто что-то аппетита нет, – объяснила я, для убедительности покачав головой. –

Все в порядке.

Но Трисс продолжала смотреть на меня с подозрением.

– Неправда! – сказала она. – Когда ты однажды приболела и не могла доесть свой суп, ты и тогда уплела целый сладкий пудинг вместо него. Точно хорошо себя чувствуешь?

Я неловко рассмеялась в ответ. Неужели я и правда когда-то настолько любила сладкое? Похоже, так и есть – теперь я припомнила, как ругался повар Вернер, утверждая, что «если так пойдет дальше, то у нашей барышни от сластей начнется ожирение».

– Ну, – сказала я, – теперь после твоего вопроса мне и в самом деле кажется, что меня немного лихорадит.

Чтобы усыпить бдительность Трисс, я слегка закашлялась и постаралась принять вид больной. Мне хотелось спокойно подумать об императоре и Тори, поэтому возможность под таким предлогом покинуть стол была мне, пожалуй, на руку.

Трисс подозвала к нам Бойда. На ее лице при этом отразилось мрачное удовлетворение врача, поставившего тяжелый, но верный диагноз. Бойд, ранее поглощенный обслуживанием гостей, немедленно оставил все и быстро подошел к нам, тревожно всматриваясь в мое лицо:

– Вам плохо, миледи?

– Нет-нет, – ответила я. – Просто немного болит голова.

– О небо! – тихо сказал он, глядя на мою тарелку. – Вы что же, даже торта не попробовали?!

Ничего более не говоря, он подхватил меня на руки, как ребенка. Ну нет, я ведь не собиралась притворяться, что мне до такой степени плохо и я не способна идти сама!

– Вы, похоже, серьезно больны, леди, – озабоченно сказал Бойд. – Возможно, подхватили какую-нибудь инфлюэнцу. Сейчас позовем доктора Эйли.

– Что? Нет! – возразила я. – Бойд, в этом нет необходимости!

– И то верно. Если наша барышня так разболелась, что даже и шоколад не жалуется, одного доктора Эйли может быть недостаточно.

– Что? – ужаснулась я.

– Доложу его светлости и немедленно вызову из столицы опытного врача, – сообщил он. – Что-то наша леди часто стала болеть...

Да не больна я! Стремясь показать Бойду, что мне вовсе не так уж плохо, я всплеснула руками, но тот, похоже, решил, что я корчусь от боли, поэтому ускорил шаг, прижимая меня к груди.

– Ох, леди! – горько причитал он на ходу. – Как же так – захворали в свой день рождения!

– Да мне не так уж... – попыталась возразить я, но он бесцеремонно перебил меня, окликнув Луана, стоявшего в дальнем конце коридора:

– Молодой господин! Где сейчас его светлость граф?

Я не могла даже представить, что одно несчастное пирожное, которое я не съела, вызовет такую панику. Вместо того чтобы ответить Бойду, Луан бросился к нам со всех ног, впиваясь в меня тревожным взглядом:

– Что с ней, Бойд?!

– Миледи очень плохо, – замогильным тоном сказал Бойд.

– Да нет же, Луан! – попыталась было вмешаться я. – Я вовсе не...

– Они не съели ни крошки шоколадного пирожного, – ужасным голосом доложил Бойд. – Медовик изволили ковырять вилочкой. А ведь только вчера мадам Крисси их ругали за то, что они схватили пирожное обеими руками с тарелки и затолкали в рот!

– Сестрица! – воскликнул Луан, вслед за дворецким меняясь в лице. – Вам очень плохо?!

От этой искренней тревоги в голосе брата мне стало не по себе. Я всего лишь не съела свой десерт, а они уже решили, что я смертельно больна. Что же я была за сладкоежка такая?! Даже отец, услышав слова Бойда о том, что меня едва не стошнило при виде любимого лакомства, побледнел как полотно! Они с Луаном лишь качали головами с одинаково мрачным выражением на похожих лицах, хотя я продолжала настаивать, что не так уж плохо себя чувствую и мне не нужен наш семейный доктор.

Успокоились они только после того, как доктор Эйли осматривал меня три часа кряду, прежде чем объявить, что я здорова. Впрочем, нет, не успокоились, а лишь притворились успокоенными. Стоило доктору Эйли, вежливо поклонившись на прощание, выйти из моей комнаты, как отец обернулся к сэру Герману.

– Похоже, – сказал он, – ни доктор Эйли, ни сама Ларриет не могут нам сказать, что именно произошло. Отправляйтесь в столицу, привезите лучшего лекаря из тех, кого сумеете найти.

– Отец! – Я была возмущена этой нелепой решимостью папы во что бы то ни стало меня вылечить. Доктор Эйли был весьма опытным врачом, за чьи услуги мама платила немалые

деньги. Отец же всегда недолюбливал его, потому что Эйли был уроженцем Виллетана, и вот теперь дошел даже до того, чтобы усомниться в поставленном им диагнозе. Узнай мама, что отец так отнесся к этому врачу, она была бы страшно огорчена.

Отец тем временем успокаивал меня, мягко забрав мою ладонь в свою:

– Ларриет, потерпи еще немного, хорошо? Я отыщу для тебя настоящего врача, а не этого шарлатана. – На его лице не было и тени сомнения в собственной правоте.

– Отец, может быть, мне следует поговорить с мамой и попросить ее нанять нам нового семейного доктора? – вмешался Луан. Он выглядел не по возрасту серьезным и сосредоточенным.

Я в недоумении уставилась на своего младшего брата, чье лицо сейчас застыло, словно у солдата, уходящего на войну. Они с отцом прямо-таки упорствовали в своем желании сделать из меня тяжелобольную!

– Луан, – сказала я, – доктор Эйли – отличный врач!

Он меня даже не слушал. Я надулась, возмущенная тем, что ни отец, ни брат, похоже, вовсе не прислушиваются к моим словам. Отец серьезно кивнул Луану, делая вид, что не замечает моего кислого лица, и всецело соглашаясь с тем, что мама неудачно выбрала семейного эскулапа.

– Беда вашей матушки в том, что она не разбирается в людях, – сказал он. – А я ведь говорил ей, что не следует нанимать на службу виллетанца, который к тому же увлекается магией!

Пообещав себе, что обязательно расскажу маме о папиных предрассудках относительно виллетанцев, я попыталась еще раз воззвать к его благоразумию:

– Папочка, клянусь вам, я в самом деле здорова!

– Это виллетанский шарлатан утверждает, что ты здорова, – отрезал отец. – Но о каком здоровье может идти речь, если моя девочка даже не съела свой торт!

Появилось ощущение, что я разговариваю со стеной. Было невыносимо стыдно перед доктором Эйли, в одночасье превратившимся в шарлатана. Мысленно попросив прощения у человека, который проводывал меня всякий раз, когда мне случалось занемочь или простудиться, я приподнялась на кровати, куда меня уложили. Но – ох! – Луан, бдивший у изголовья, тут же ощутимо нажал на мое плечо, заставляя упасть обратно в подушки. Вот поросенок!

Я сурово взглянула на него, приподняв одну бровь. Он смотрел на меня с улыбкой. Похоже, я слишком его разбаловала.

– Сестрица, лежите, пожалуйста, – вежливо сказал он.

– Я не больна!

Все без толку. Даже не притворяясь, что он меня слушает, Луан сунул мне под мышку градусник. Он повторил эту процедуру несколько раз, но моя температура оставалась нормальной. Тогда он распорядился принести другой градусник, предположив, что этот неисправен. Я чувствовала себя как в ловушке. Надо было просто съесть несчастное пирожное! Да знай я только, что мое пренебрежение шоколадом вызовет такое беспокойство, – не оставила бы ни крошки на тарелке.

– Луан! – взмолилась я, стряхивая руку брата с плеча и чуть не плача. – Мне в самом деле не плохо. Я совершенно здорова, разве что голова слегка побаливает!

Вызывать столичного доктора – сколько же это будет стоить! Из-за отцовской экономии живя в спартанских условиях, я заранее тосковала от необходимости платить стороннему врачу, к тому же за лечение несуществующей болезни.

– Столичный доктор обойдется нам в целое состояние! – попыталась я урезонить брата. – Особенно если он даже не нужен...

– Это не вопрос денег, сестрица, – хмурясь, отрезал Луан.

Я сдалась. Да зовите кого хотите: хоть доктора, хоть шамана – кого угодно!

– Только маме ни слова, – мрачно сказала я. – Ладно?

Что бы там ни считали отец и Луан, я совершенно точно не хотела причинять лишнее беспокойство нашей хрупкой матушке. Ей и без того хватало забот. Тем более что в детстве у меня было довольно слабое здоровье, поэтому мама нередко сживала у моей постели во время болезней. А уж после того, как я переболела корью, проведя несколько дней на пороге жизни и смерти, она начала и вовсе патологически тревожиться обо мне. Если сейчас ей донесут, что я заболела, она этого не вынесет.

Правильно поняв причину моей тревоги, отец вздохнул и погладил меня по голове.

– Хорошо, – примирительно сказал он. – Аманда ничего не узнает.

Только тогда я успокоилась. Ладно, в конце концов, все было не так уж скверно – полежать в постели в одиночестве, дожидаясь врача, и собраться с мыслями. Ведь минуло всего несколько часов с тех пор, как я вернулась в свои двенадцать лет, и в моей голове все еще царил хаос. Просто чудо, что я не тронулась умом от всего этого. Я не была больна так, как того боялись отец и Луан, но внутренне совершенно вымоталась.

Я отчетливо помнила последние мгновения своей жизни. И неудивительно, ведь меня казнили буквально вчера. Я помнила, как мне нанесли смертельный удар, помнила во всех деталях, как именно умирала. Я так хорошо помнила все это, что даже сейчас, будучи живой, не могла перестать внутренне содрогаться. Я совершенно точно погибла на той гильотине, и мне было восемнадцать. Мне отрубили голову, словно скотине, предназначенной на убой, – таков был бесславный конец всех подлых преступников в нашей империи вне зависимости от того, насколько благородная кровь текла в их жилах!

Сейчас, посреди холодного зимнего дня, я вспоминала, как в жаркий летний полдень лезвие гильотины рассекло мое горло. Я помнила леденящий душу хруст, когда оно упало с высоты, – и... всё. Не было ни ужасной боли, ни моей окровавленной головы, вприпрыжку катящейся по помосту: моя смерть оказалась совсем беззвучной.

Я помнила свою гибель слишком отчетливо, чтобы не удивляться сейчас, почему все еще дышу. Но когда я открыла глаза, мне вновь было двенадцать и мой отец, моя матушка и мой брат вновь были со мной, словно так распорядились высшие силы. Я боялась, что все это лишь мои предсмертные видения. Что, если, попусту обрадовавшись, я вновь очнусь под палящими лучами? А император издалека будет наблюдать за моей агонией.

– Сестрица, – тихо позвал Луан, сжимая мою ладонь. Он почувствовал мой страх, хотя я ничего не говорила.

Я медленно успокаивалась, держа его теплую руку в своей. Какой бы реальной ни была моя смерть, живое тепло в ладони было еще реальнее. Я встретилась глазами с обеспокоенным взглядом Луана и улыбнулась. Мой маленький братец был ответственным не по годам – таким я его и помнила. Может быть, он стал серьезным из-за такой старшей сестры, как я, – зажатой, постоянно болеющей, на которую ему ни в чем нельзя было положиться? Впрочем, в качестве компенсации он пустился во все тяжкие, когда сам повзрослел.

– Не волнуйтесь, сестрица, – сказал он. – Вы наверняка не так уж тяжело больны.

Стало быть, когда я твердила ему, что не больна, он пугал меня тем, что это что-то опасное, а теперь вдруг принялся уверять, что ничего страшного со мной не происходит! Я расхохоталась от такой непоследовательности.

– Ты ведь говорил, что я очень больна! – напомнила я ему со смехом.

– Ну, доктор Эйли не нашел ничего серьезного, – смутился братец. – Но мы сейчас вызовем доктора из столицы, и тогда уж вы быстро поправитесь.

Ну да, ну да. Особенно если учесть, что я вообще не болею.

Я шумно вздохнула и посмотрела на отца: он успел сесть по другую сторону моей постели, напротив Луана. Теперь левой рукой я держалась за брата, а правой – за папу, и оба смотрели на меня с одинаково тревожным выражением карих глаз. Может быть, я выглядела сейчас смешно,

но мне было так хорошо держать их обоих за руки! Ощущая тепло их ладоней, я наконец-то осознала, что в самом деле вернулась к жизни, и на мои глаза немедленно навернулись слезы. Я-то думала, что уже выплакала их все утром, когда увидела няню и Луана в первый раз, а нет – кое-что еще, оказывается, осталось!

Стоило мне зашмыгать носом, как отец и брат, и без того встревоженные, окончательно заволновались и стали торопить сэра Германа.

– Вы еще здесь?! – резко сказал ему отец. – Ларриет плохо, разве вы не видите?

– Пожалуйста, сэр Герман, отправляйтесь в путь скорее! – Луан нахмурился вслед за ним. – Почему вы медлите? Торопитесь, я сообщу вашей супруге, что вам пришлось уехать.

Как будто телохранителю мало было папиных приказов! Ему и так предстояло срочно отправиться в далекую столицу, даже не попрощавшись с женой! Я подняла руку, пытаюсь заставить Луана замолчать, но тот упрямо смотрел только на телохранителя. Сэр Герман, в свою очередь, быстро ходил по спальне, складывая в дорожную сумку деньги, карту дорог, верительные грамоты де Белуа и прочее, что могло понадобиться в пути. Закончив, он молча вышел из комнаты, повинувшись приказу. На его лице при этом читалось огорчение из-за того, что ни отец, ни Луан даже не заметили его стараний.

«О, простите меня, добрый рыцарь!» – мысленно воскликнула я и немедленно поклялась себе позже отблагодарить и доктора Эйли, и сэра Германа за их труды.

Я продолжала плакать. Все это время отец беспомощно сидел подле моей кровати: он совершенно не умел успокаивать плачущих детей. Наконец, наплакавшись, я притворилась, что сплю, и только тогда он позволил себе крадучись выйти из комнаты.

Я ждала, что Луан последует за ним, но братец, видимо, понял, что я просто притворилась, чтобы отец поскорее ушел. Когда он вышел, Луан с размаху сел обратно на кровать, потеснив меня, и я медленно подняла веки.

Луан смотрел на меня сверху вниз не мигая. В вечерних сумерках его глаза казались почти бархатно-черными. Мои были такого же цвета, только оттенок иной: у Луана это был глубокий ореховый, безумно красивый и теплый, а мои глаза были куда светлее и невыразительнее.

Протянув руку, я легонько дернула его за кудри. Луан послушно закрыл глаза, не уклоняясь от этой ласки, словно был к ней привычен. Я улыбнулась: уже давно он не подчинялся мне столь охотно.

– Вот бы ты и впредь не избегал моих рук, братик, – пробормотала я.

– Не буду, – тихо ответил он.

О, будет!

Я убрала руку, с тоской предвидя будущее, которого Луан еще не ведал.

– Утром вы говорили мне, что будете любить меня, кем бы я ни стал, – вдруг сказал он.

– Да, – просто ответила я.

От этого моего признания Луан вдруг широко распахнул глаза. На его лице, как обычно, ничего не отражалось, но я готова была поклясться, что в его взгляде на мгновение промелькнула улыбка.

– Я тоже, – сказал он, – буду любить вас, сестрица. Кем бы вы ни стали.

– Что? – растерянно спросила я.

– Не болейте, – шепнул Луан.

И прежде чем я успела удержать его, чтобы узнать, что он имел в виду, брат поднялся и быстро вышел из комнаты. Провожая глазами его затылок, я тихо усмехнулась.

Слезы у меня все текли и текли, не останавливаясь, но я решительно вытерла их рукой, и после этого зрение слегка прояснилось.

Моя комната в двенадцать лет выглядела точно так же, как и за день до моей смерти. Разве что сейчас, благодаря плотным шторам из красного бархата, которые отец задернул перед уходом, здесь царил полумрак.

Я любовалась изящными очертаниями мебели в полутьме своей спальни, словно до боли знакомым пейзажем. Я любила весь наш прекрасный старинный дом, но особенно свою комнату, которую дедушка, как мне говорили, спроектировал сам. Та весна, когда родился Луан; то лето, в которое мы выезжали в столицу на прогулки; и осень, которую так любила моя матушка; наконец, зима, когда поместье Белуа было прекраснее всего, – эта комната стала свидетелем всех времен года в моей жизни, в ней я выросла.

Деревянная панель на стене, где с моих лет семи золотыми чернилами отмечали мой рост, тоже была на месте. Подойдя к ней, я провела ладонью по золотистым отметинам, пока что не покрывшим и половины пути наверх, – и с ужасом осознала, что уменьшилась в росте. Нет, по меркам двенадцатилетнего ребенка я все еще не была коротышкой, но сейчас стала на целую голову ниже, чем в мои восемнадцать. А это значило, что когда я стану взрослой, то прибавлю в росте не так уж и много.

Я перестала расти, когда мне было четырнадцать – чуть раньше, чем остальные дети. Помнится, меня так злил мой маленький рост, что однажды при очередном измерении я даже нарочно привстала на цыпочки, чтобы быть повыше. Луан всегда был высоким и худым – он пошел в нашу маму. Когда он увидел, как я, стоя на цыпочках, старательно рисую над головой золотую отметину, то страшно развеселился, за что потом и был наказан отцом.

Я начала мерить комнату шагами, страшно недовольная своим маленьким – чуть меньше, чем у прочих! – ростом. Не следует ли мне включить в рацион побольше овощей или чего-нибудь такого? Смогу ли я стать выше, если с сегодняшнего дня начну правильно питаться и заниматься спортом?

У дворян было принято менять комнаты вместе со сменой сезона, но я не любила перемен и поэтому год за годом упрямо оставалась в своей опочивальне. Матушка несколько раз предлагала мне переехать в другую комнату, попросторнее, но я ни за что не хотела покидать своей любимой спальни. Мне нравилась романтическая история ее появления: говорили, что дедушка когда-то своими руками спроектировал ее для бабушки. Поэтому, за исключением установки новых оконных рам взамен старых разошедшихся, да еще перекладки пары скрипучих половиц, я не позволяла заменить в ней даже дверную ручку.

Тем не менее сейчас некоторые уголки спальни выглядели иначе по сравнению с тем, какими я запомнила их в свои восемнадцать. Осмотревшись внимательнее, я обнаружила на прикроватном столике музыкальную шкатулку и улыбнулась. Осторожно стерев с лаковой поверхности пыль, я завела ее – и в воздухе разлилась нежная мелодия, очень подходившая к этому зимнему дню: то была оркестровая увертюра к одной из моих любимых сказок.

Эту шкатулку, выточенную из дерева, очень качественно и надежно сделанную, Луан подарил мне на день рождения несколько лет тому назад. Я хмыкнула, представив, как этот застенчивый и неловкий мальчик выбирает мне подарок в магазине игрушек для девочек, среди кукол и чайных сервизов. А потом я вспомнила, как хоронила эту шкатулку вместе с его холодным телом, и улыбка сошла с моего лица.

Вскоре после того, как отца и брата арестовали за измену, кто-то намеренно поджег наше поместье. Пожар был таким яростным, что, когда его наконец потушили, от поместья остались лишь обугленные руины. Музыкальная шкатулка Луана была одной из немногих вещей, которые мне удалось спасти с пепелища. Я положила ее Луану в гроб, когда хоронила его.

Словно наяву, я вновь увидела перед глазами мертвое, застывшее лицо брата, и меня пробрала дрожь. Смерть отца и матери была для меня ужасным горем, но смерть Луана оказалась горем и вовсе невыносимым. Я и представить не могла, что мой младший брат умрет раньше меня.

Я была совершенно не готова к этому. И все же из нас двоих он взошел на эшафот первым – просто потому, что был мужчиной. Я умоляла казнить меня раньше него, но император, словно желая причинить мне еще больше страданий, приказал гильотинировать меня в последнюю очередь.

Ни за что на свете я не согласилась бы снова пережить этот нескончаемый кошмар, когда на моих глазах одного за другим казнили всех членов моей семьи, а я была совершенно беспомощна что-либо сделать.

Крепко сцепив трясущиеся руки, я глубоко вдохнула. В моих силах сделать так, чтобы этот кошмар не повторился. И я приму меры, чтобы этого не произошло. Бормоча эти слова как заклинание, я сбросила своих кукол на пол – прежде они лежали аккуратно укрытые одеялом, словно и впрямь спали, – и сама упала на кровать ничком.

Зарывшись лицом в подушку, я не глядя протянула руку, нащупывая в укромном местечке в изголовье небольшой блокнот. То был мой секретный дневник – я хранила его в этом тайнике, пока однажды его не нашла мама. Он был розовым, с милыми принцессами и звездочками на обложке: такие вещи нравятся детям, такие вещи любила моя двенадцатилетняя сущность. Открыв дневник, я начала торопливо описывать текущее положение дел. То, что я писала, было настолько невероятно, что, даже прочитай кто-либо случайно эти страницы, верно, подумал бы, что я описываю сны или какие-нибудь детские фантазии. Для меня же, к сожалению, все это было суровой реальностью.

*291 год империума², восьмая луна
Моя смерть.*

*285 год империума, первая луна
Возвращение. Император меня знает. Тори Фассбендер – фрейлина
принцессы Лаперты.*

Когда я писала слово «император», кончик моего карандаша слегка дрогнул. Я вновь подумала о сегодняшней встрече с Тори. Эта нищая, оборванная девчонка через несколько лет превратится в императрицу, и тогда противостояние моего отца и императора будет неизбежным. Значит, необходимо этому помешать. Конечно, лучше всего было бы, если бы Тори и император вовсе не встречались, но, в конце концов, они оба пока еще дети, так что у меня есть время отыскать способ помешать их браку. Решительно кивнув себе, я обвела имя Тори в кружок.

*287 год империума, девятая луна
Назван наследный принц.*

*289 год империума, пятая луна
Смерть предыдущего императора.*

*289 год империума, шестая луна
Коронация Руперта.*

*289 год империума, девятая луна
Пожар во дворце императрицы? Ее смерть.*

*289 год империума, одиннадцатая луна
Казнь принца Арцельфа.*

290 год империума, девятая луна

² Империум – календарь, принятый в Бельфернийской империи, государстве, где происходит основное действие новеллы.

Смерть Тори Фассбендер-Вельнерум.

290 год империума, девятая луна

Казнены все члены графской семьи Гончаровых.

Два офицера столичной охраны казнены императором.

Изгнание и казнь эрцгерцога Вентибальда, брата первого императора.

Смерть сэра Мальволио, кузена императора.

Изгнание из страны троих представителей дворянства, выступавших против Руперта. Затем – их смерть.

Мне было всего двенадцать, поэтому для детского дневника, полного подробных рассказов о том, что я ела или с кем виделась, я выбрала нейтральное слово «смерть», но вообще-то все произошедшее куда больше напоминало бойню. Став императором, Руперт немедленно начал чистки среди дворян, уничтожив в общей сложности около тридцати человек. То была его политика запугивания. Будучи законным наследником и правителем, Руперт тем не менее оказался крайне чувствителен к той власти, которая концентрировалась не в его руках, пусть даже у него пока не было наследников. Вероятно, именно поэтому он не мог вынести, что изрядная доля политического влияния в стране принадлежала не императору, а дворянским семьям.

Но такова уж человеческая натура: чем больше ее подавляют, тем упорнее она будет стремиться восстать против своего обидчика. К тому же наша империя всегда была страной, где власть в изрядной мере принадлежала аристократам, и подобная реакция с их стороны оказалась вполне естественной. Император, однако, называл государственной изменой абсолютно все возражения в свой адрес, как в большом, так и в малом. Я могла не вспомнить всего, но попытаюсь я перечислить его злодеяния – мне, боюсь, не хватило бы бумаги. Даже сейчас, пока он был еще далеко, я боялась его, поэтому покрепче перехватила задрожавший было в моей руке карандаш, чтобы написать еще одну строчку:

291 год империума, третья луна

Падение дома де Белуа.

Весна – время, когда оживает даже то, что казалось мертвым. Но для моей семьи весна стала временем краха. Я выводила последнюю строку в дневнике чуть ли не десять минут – так трудно дались мне эти четыре коротких слова.

Когда все наконец было изложено на бумаге, в голове немного прояснилось. Всего несколько листков – но как же много смертей! Казалось, даже сам дневник стал невыносимо тяжелым: он словно впитал в себя все то горе, что пришлось перенести моей бедной семье в третью луну 291 года империума.

Будучи записанными на бумаге, все деяния императора яснее ясного говорили о том, что он был очевидно безумен. Допустим, де Белуа имели весьма отдаленное родство с императорской семьей, но тот же эрцгерцог Вентибальд приходился императору родным дядей. С другой стороны, император не остановился даже перед тем, чтобы казнить собственного единокровного брата, принца Арнульфа, так что вряд ли можно было ожидать, что с дядей он обойдется мягче. Вероятно, последним жестом милосердия с его стороны – если, конечно, император вообще был способен на подобные чувства, – стало то, что он пощадил принцессу Найджел, которая не состояла с ним в кровном родстве.

Я понятия не имела, через что прошел император, чтобы в конце концов превратиться в такое чудовище. И я совершенно точно не надеялась, что, вернувшись в прошлое, смогу что-нибудь с этим поделать. У меня не было ни малейшего намерения мечтать, что я-де сумею сделать императора другим человеком: это было бы фатальной ошибкой с моей стороны, поскольку люди так легко не меняются. А я лишь чудом сумела вернуться к жизни.

Конечно, я предпочла бы и в новой жизни остаться для императора совершенно чужим человеком. Но тогда отец вновь выступил бы против него и император снова погубил бы семью де Белау. А значит, мне остается только одно: сойтись с императором как можно ближе и держать руку на пульсе их отношений с моим отцом.

Я вновь взяла карандаш и в самом низу страницы дописала еще одно предложение:

*285 год империзма, первая луна
Я стану фрейлиной принцессы Лаперты.*

* * *

Вопреки ожиданиям, человеком, который прямо-таки в штыки воспринял мое желание поступить на службу к принцессе, оказалась матушка. Отец с Луаном, похоже, тоже были не в восторге от этой затеи, но мама... мама зашла в таком гневе, что в конечном счете им обоим оставалось лишь неодобрительно качать головами.

Слушая, как отец поддакивает возмущенным репликам мамы, я ощутила, как во мне тоже поднимается ярость. Мне-то папа ничем не возразил, когда услышал о моих планах! Я попыталась украдкой поймать его взгляд, но мама это заметила.

– И не смей смотреть на отца! – воскликнула она. – Какой тебе еще дворец?! Какая еще фрейлина?!

Ее голос поднялся до верхних нот – так высоко, что, казалось, еще немного, и треснуло бы стекло в окне. До замужества мать была певицей Абада и до сих пор прекрасно умела управлять своим дыханием. Теперь это умение позволяло ей быстро и громко ругать меня на чем свет стоит и при этом даже не запыхаться. Не стань я нынче единственной жертвой ее гнева, была бы восхищена и даже, пожалуй, заплотировала бы такому мастерству. Вот только именно меня сейчас отчитывали словно ребенка – а я при этом и впрямь была ребенком!

Мама сидела в инвалидном кресле. Она потеряла способность ходить давно, когда я была еще маленькой: перевернулась в своей карете, и ей отдало ноги. Сейчас ее голова находилась ниже моего роста, и все же мне казалось, что она смотрит на меня сверху вниз.

– Фрейлина! – восклицала она. – Ты! Фрейлина! Да как это возможно?! Да почему?..

– Матушка, – попыталась было вклиниться я, – поймите, я считаю...

– Да мне наплевать, что ты там считаешь! – перебила она. – Это же просто бред! Сам-то хоть понимаешь насколько?!

Честно сказать, я совершенно этого не понимала. С моей точки зрения, мама просто была чересчур чувствительной особой.

– Матушка, да вы меня даже не слушаете! – попыталась я вновь объяснить. – И перестаньте же кричать, в самом деле...

– Да как ты смеешь?! – крикнула она в ответ. – Как тебе только в голову это пришло – пойти на службу во дворец?!

– А Беатрис, между прочим, тоже фрейлина у принцессы Найджел! – воскликнула я. – И Марианна де Венсан, и Саша – все они хоть раз, да служили чем-то ее высочеству!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.